

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА ВТОРАЯ

СВОБОДНАЯ

ЕВДОКИЯ ГУЛЯЕВА

Евдокия Гуляева

Свободная

Серия «Жизнь во лжи», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387498

SelfPub; 2021

Аннотация

Он сказал: «Свободна»... И вот это одно, брошенное им вскользь слово – съело меня изнутри. Все это время я так стремилась к свободе, а заполучив её, теперь не знала, что с ней делать. Я считала, что моя история на этом закончилась, и самое страшное со мной уже произошло: моим прошлым стал тот, кто должен был бы стать будущим. Но даже в этом я ошибалась...

Вновь станет больно до осколков разбитого сердца, до сведенных скул от постоянной деланной улыбки – ведь теперь я буду вынуждена носить новую лживую маску.

Современный любовный роман. Вторая книга дилогии.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Евдокия Гуляева

Свободная

Пролог

События за год до произошедшего...

Меня, действительно, отпустила корпорация «Bars» без каких-либо условий, уголовного преследования и штрафов. Но вот HNA Group, на которую я работала, за неисполнение возложенных на меня обязательств и в одностороннем порядке расторгнутому мной контракту, наложила на меня такую денежную неустойку, что квартиру, которая была частью нашего совместного имущества с бывшим мужем пришлось продать. А еще родительскую «трешку» в центре, разменяв ее на небольшую студию в Подмосковье. Залезть в огромные долги, взвалив на себя кредитные обязательства, которые теперь я тяну с трудом, устроившись на работу в небольшую компанию «Verta», занимающуюся исключительно ландшафтным дизайном.

Днем работала, а ночью подыхала от переизбытка астенических эмоций, которые заполнили меня всю и, день за днем, медленно, будто кислотой, сжигали меня изнутри, оставляя после себя страшные шрамы. Невидимые глазу памятные рубцы, которыми теперь было сплошь покрыто мое сердце.

Я заслужила и приняла каждый из них.

Конечно, засыпая, я мечтала, что наша история будет волшебной сказкой и Дима, спустя время, найдет меня. Ведь я не пряталась. Но дни складывались в недели, а он не приходил.

Не простил.

Пусть так. Это его выбор.

Осталось самое страшное – простить себя. Но у меня никак не получалось. Работала на износ, как сомнамбула, а когда приходила в холодную пустую комнату, которую снимала в коммуналке, то забиралась с ногами на скрипучий диван, сворачивалась калачиком и закрывала глаза. Не спала. Просто лежала. Не хотелось ни вставать, ни выглядывать в окно, ни выходить на улицу...

Урчание пустого желудка совсем не раздражало. Бессилие и апатия стали моими постоянными спутниками, а еще безропотное смирение и покорное принятие своей судьбы. Бесконечные часы лежала в темноте и пыталась простить себя, хотя бы для того, чтобы собраться с мыслями и стать снова живой...

Непрощение – самое страшное оружие самоуничтожения.

Щемящая грусть, словно острой бритвой резала по сердцу, каждый раз нанося глубокие открытые раны. Но оно совсем не кровоточило потому, что внутри меня царил арктический холод. Заледенели руки, покрылись инеем внутренности...

Обнять бы кого-нибудь, крепко прижаться, доверчиво уткнуться в плечо... Надрывно сжать пальцы, впиваясь в кожу, оставляя следы и реветь навзрыд, громко, некрасиво, выплескивая всю боль, которая скопилась внутри.

Но я не плакала. Слез не было совсем. Не имела на это права потому, что только сегодня узнала – у меня будет ребенок. Его ребенок.

Глава 1

События сейчас...

Авторский интерьер клуба «Странгер», как и год назад, поражал своей роскошью. Выдержанный в стиле Ар-Деко, он производил неизгладимое впечатление. Я словно впервые, оглядывала его стены, как будто на них можно было прочесть все, что когда-либо происходило здесь, но это не так. Я уже знала, что все тайны так и останутся за закрытыми, от любопытных глаз, высокими резными дверьми этого клуба – сообщества неприлично богатых избранных...

Вспоминаю, как полчаса назад я долго мялась у парадных дверей, уговаривая себя войти внутрь:

«Раз я свободна, – убеждала себя, – то могу заниматься сексом где захочу, когда захочу, с кем захочу, не спрашивая ни у кого разрешения и не страдая от угрызений совести...»

Мысленно чертыхнувшись, решительно взялась за замысловатую кованую ручку и потянула на себя, а затем открыла высокие двери.

Как и в первый раз, придирчиво разглядывая меня с головы до ног, охранник на входе попросил пригласительный и, быстро его осмотрев, кивнул ожидающему рядом администратору, предварительно попросив меня отключить и сдать мобильный. К этой стандартной процедуре я была уже гото-

ва, поэтому протянула ему выключенный мной заранее, достаточно скромный старенький гаджет, который он, хмыкнув, пренебрежительно повертел в руках, но все же, скрывая саркастическую ухмылку, дисциплинированно молча передал администратору. Я прекрасно понимала, что он не мог не заметить разительное несоответствие моего тщательно подобранного образа и телефона, но флаер с неограниченным допуском, протянутый ему, видимо, как и в тот самый первый раз, открывал передо мной все двери.

Спасибо Лиде, которой пришлось постараться, чтобы достать для меня одноразовое пригласительное, а еще одолжить мне платье, туфли и приличного вида пальто из тонкой шерсти, которое я, сняв, аккуратно передала услужливому администратору. Вспоминая, как еще год назад я сама могла позволить себе покупать красивую одежду, почувствовала себя крайне неудобно в чужих, пусть и отлично сидящих на мне вещах. Робко замешкалась и развернулась к огромному зеркалу, рассматривая свое отражение: все та же жгучая брюнетка с ярко-блестящими глазами смотрела на меня в ответ, и только внимательный наблюдатель мог бы легко заметить, что грациозная гибкость фигуры теперь явно переходила в излишнюю худобу.

– Вы здесь впервые?

Я развернулась на голос администратора и несмело отрицательно кивнула, но сразу добавила:

– Была. Очень давно...

– В таком случае, добро пожаловать еще раз. Разрешите напомнить, что ваше приглашительное с неограниченным допуском, поэтому, в любое время, вы можете беспрепятственно подняться наверх, выбрав любую, приглянувшуюся вам комнату, и, оставаясь инкогнито, пригласить туда любого, понравившегося вам мужчину.

Повторяя эти, заученные наизусть фразы, безликий администратор, глядя на меня, протянул мне черную полумаску и, попросив надеть, приглашающим жестом распахнул высокие двери, впуская меня, снова приоткрывая для меня волнующие тайны клуба «Странгер»...

Сейчас, сидя на высоком стуле у бара, оглядывая избранную публику, я сосредоточилась исключительно на цели своего прихода: мне нужны были деньги, крайне, жизненно необходимы. Флаер Лида смогла достать только один, второго шанса у меня не будет, поэтому нужно было не прогадать и сразу не ошибиться с будущим покровителем.

Странное желание, правда?

Но за прошедший год, проведенный мной в откровенной нищете, с трудом уклоняясь от наглых кредиторов, мыкаясь с одной малооплачиваемой работы на другую, с которой вылетала почти сразу, без выплат и положенных по закону компенсаций, я перестала искать причину несправедливых увольнений, и решила выживать любыми путями....

Я осознала это лишь пару дней назад, когда ясно увиде-

ла все недостатки своей жизни: вечно холодная маленькая комната в коммуналке, старая оконная рама, в комплекте со сквозняком и постоянным скрипом, одиноко стоящий диван и купленная с рук, за копейки, еще советская детская кроватка, придвинутая для тепла вплотную к стене, покрытой потертым ковром. Еще недавно я билась даже за такую жизнь из последних сил, а теперь заметила все это, увидев, наконец, бедность, изъян, каждую окружающую меня прореху и поняла, что одной мне не справиться.

Глупая... Наивная дура! Возомнившая, что сможет выбраться из ямы крайней бедности без чьей либо помощи...

Жалость... Я перестала жалеть себя, каждодневно запрещающая себе болеть сердцем, и научилась бы принимать такую жизнь, как данность, продолжая с этим жить, если бы не изумрудно-зеленые глазки моего двухмесячного сына...

Вчера, когда услышала голодный плач своего ребенка, когда увидела крупные слезы в его глазах, совсем расклеилась.

Из-за постоянного стресса молоко у меня пропало почти сразу после рождения малыша, поэтому оставалось только кормить его смесью. Так сложились обстоятельства, что именно вчера ее не оказалось, именно вчера не осталось денег на новую покупку, именно вчера я поняла, что больше не имею права бесконечно брать в долг у своих родителей и Лиды...

Сейчас, от тягостных воспоминаний снова заныли застарелые шрамы на сердце.

Я не хотела именно здесь всплеска этих чувств и теперь давилась от них, задыхаясь от потока эмоций, поэтому, сделала внушительный глоток прохладного шампанского, которое шло приятным бонусом к добытому Лидой приглашению, чтобы вместе с ним проглотить и свои нравственные принципы.

Видит Бог, ради моего ребенка с изумрудно-зелеными глазками я постараюсь все изменить и мне плевать с кем из этих толстосумов я должна переспать, чтобы в дальнейшем иметь возможность кормить его!

Растирая холодные руки, стараясь унять дрожь, автоматически посмотрела на циферблат небольших кварцевых часов на своем тоненьком запястье. Как ни странно, но они продолжали идти, хотя давным-давно требовали замены батареек. Время неумолимо бежало вперед, как это часто случается в те времена, когда в жизни человека наступают переломные моменты, и я все больше нервничала, понимая, что с каждым прошедшим получасом, шансов осуществить задуманное остается все меньше...перевалило за полночь, и я знаю, что мне пора уходить.

Дрожащими пальцами сжимаю ножку высокого, натертого до блеска бокала, и, повертев его, удостоверившись, что там уже пусто, отставляю его в сторону. Я уже давненько не пила ни капли, но сегодня вечером решила, что для того, чтобы успокоиться, мне требуется кое-что покрепче чая.

Под раскаты удушливой музыки кружится голова...

Отбросив в сторону эмоции, вновь окинула взглядом просторный зал: помещение быстро наполнялось шикарно одетыми гостями. Все, мужчины и женщины были в одинаковых черных полумасках, что придавало клубу некий налет загадочной таинственности. Сканируя всех, прикидывая возможную выгоду, мысленно откидывала претендентов один за одним, перебирая возможных миллионеров.

Оказалось, что прийти сюда было гораздо легче, чем решиться на отчаянный шаг...

Рассеяннo, и уже в который раз, пробежала взглядом по всему залу, лишь на секунду задержавшись у вновь открывшейся двери, и не заострила бы внимания на вошедшем, если бы по внушительному помещению не пробежал гул голосов, и я, как многие другие, повернула голову, ища причину таких перешептываний.

В зал с центрального входа широкими, размашистыми шагами зашел... ОН.

Дмитрий Евгеньевич Барсов – единственный владелец и держатель акций громадного строительного холдинга «Bars». Молодой миллиардер, корпорация которого, спустя прошедший год не только оставалась на плаву, как одна из самых востребованных, но и смогла завоевать высокую репутацию на крупных строительных площадках международного уровня.

Воспоминания о нем больно резанули в области груди...

Все, что связано с ним, до сих пор крайне болезненно для меня, тем не менее, я продолжаю наблюдать за ним. Скрытая таинственным полумраком зала, опустив ресницы, словно мазохистка, которой растравлять свои раны доставляет удовольствие, я украдкой слежу за тем, как он похотейски остановился, слегка расставив ноги, внимательно осмотрелся. Даже на приличном расстоянии, в зале, переполненном людьми, я чувствую, как его незаинтересованный взгляд, не задерживаясь, лениво скользнул по моей фигурке, дальше, равнодушно рассматривая всех в зале, давая визуальную оценку всем присутствующим.

Как и все здесь, он был в маске, но я сразу узнала его, не узнать было невозможно: он все так же оставался крайне, до неприличия привлекателен. Как и год назад Барс отличался крепким телосложением, был не перекачан, но с рельефно выступающими плечами, обтянутыми дорогой тканью пиджака, пуговицы которого он сразу расстегнул для удобства, когда садился на диван в оставленной для него свободной VIP-ложе.

За прошедший год воспоминание о нём поблекло, как всегда блекнут воспоминания, даже самые дорогие сердцу, и сейчас, я далеко не дура, чтобы реанимировать в себе нечто, что еще год тому назад заполняло собой меня целиком, полностью, и я захлебывалась этими чувствами. Я запретила себе ассоциировать изумрудно-зеленый цвет глаз своего сына с ним. Не ради него я здесь, а ради своего ребенка.

Приняв решение, повернулась к барной стойке, выхватила из рядом лежащей стопки маленький прямоугольник бумаги и, не раздумывая, написала наугад номер, автоматически присвоенный кому-то из присутствующих клиентов клуба. Решительно сдвинув по гладкой поверхности барной стойки свое приват-пожелание в сторону бармена, лишь на секунду задержала на матовой поверхности дорогой бумаги свой палец, а потом, резко отдернула руку, словно обожглась своим решением. Он, приняв мой заказ, незаметно кивнул и спрятав протянутую ему записку с номером...

Я больше не поворачивалась в сторону зала, поэтому вздрогнула от неожиданного прикосновения к своему плечу. Обернувшись к подошедшему, как оказалось администратору, очень удивилась услышанному:

– Вас ожидает третий приват наверху.

– Не поняла... – уточнила я.

– Вы отправили приватное приглашение, поэтому для вас свободна третья комната на втором этаже. Они пронумерованы.

От воспоминаний о том, что год назад я испытала именно в этой комнате, жар прокатился по моему телу, казалось, достигая кончиков пальцев, которыми я тут же нервно забарабанила по натертой до блеска поверхности барной стойки, в попытке унять дразнящие покалывания кожи. Осмотрела коротко стриженные ногти моей правой руки, и, машинально, взгляд зацепился за безымянный палец, на котором ко-

гда-то было надето обручальное кольцо, но теперь здесь даже полоски не осталось, лишь глубокая зарубка в моей памяти...

А еще я отлично научилась осознавать последствия своих решений, но сейчас продолжаю сидеть на месте и боюсь пошевелиться. Боюсь снова задохнуться от ощущения вины – чувства, которое обязательно сопровождало картинки моего годовалого периода жизни..., но в данный момент оно не к месту. Прежде чем подняться наверх, незаметно оглядываю зал, стараясь даже не шелохнуться, исключительно, лишь для того, чтобы успокоить свои, до предела натянутые, нервы и понять, что Барс остался на своем месте. Смотрю в конец зала и вижу его все там же, беседующим с кем-то из гостей, и невыносимое напряжение отпускает.

Становится легче.

Выдыхаю... и встаю, неуловимо глазу медленно разворачиваюсь, выходя, подхожу к уже знакомой мне, ведущей на второй этаж кованной, бронзовой лестнице. Невысокие ступени, покрытые шелковым ковром, приглушают мои шаги, за томительной тишиной пряча нераскрытые тайны клиентов клуба «Странгер».

Безошибочно нахожу дверь с номером три...

Как и в самый первый раз, не решаюсь войти, но только теперь по совершенно другой причине. Сделав шаг назад, спиной прислоняюсь к стене, пытаюсь отдышаться. Кровь разносит по венам растерянность и стыд, но я снова вспоминаю

глаза моего голодного сынишки и, развернувшись к двери, медленно поворачиваю ручку... и захожу внутрь.

Почти сразу меня окутывает темнота, непроницаемая, со всех сторон, словно густой вязкий туман...

Здесь никого. Только я одна.

Прикрывая за собой дверь, до щелчка замка, прислоняюсь к ней спиной, стараясь унять бешенный пульс сердца, стучавшего, казалось, во всеуслышание, отражаясь от стен. Пытаюсь объяснить себе причину своей откровенной неудачи, но не могу найти логического объяснения факту – мужчина не пожелал прийти.

– Ну, дай мне шанс, хотя бы еще один, – бессвязно шепчу я в пустоту, сползая прямо на пол у закрытой двери, прижимаясь к ней спиной, припечатывая ее затылком.

Отчетливо понимаю, что у меня ничего не получилось, поэтому откидываю голову назад, еще раз, ударяясь, и выбиваю первые слезы крушения призрачных иллюзий. Соленые, крупные капли разочарования, ножом унижения колко рассекают щеки...

Обжигают!

Поэтому я стираю первые капли слез тыльной стороной ладони, нещадно смахивая их, пытаюсь стянуть мешочек своей гордости, туго перевязав, и, снова, наглухо его запечатать.

Всхлип... еще один... до тех пор, пока не улавливаю решительные шаги по длинному коридору снаружи...

Мгновенно вскакиваю и бросаюсь в сторону, к стене, прижимаясь к ней спиной, крепко зажмуривая свои глаза, слыша только звуки открываемой и тут же закрываемой двери.

Тихие шаги в темноте...

Кто-то подошел так близко, что моя грудь, при каждом глубоком вдохе, касается его...

Я не имею права передумать. Я стою перед ним, задержав дыхание, ожидая его дальнейших действий...

И лишь от первого прикосновения к своим обнаженным ключицам вздрагиваю, и непроизвольно дергаюсь в сторону, пытаюсь покинуть комнату, но его реакция мгновенна: он хватает и с силой впечатывает меня в стену за моей спиной, почти полностью обхватывая мою тонкую шею своими пальцами так плотно, что теперь может контролировать мое дыхание.

– Шшш, – зло шипит мне Барс, склонившись к моему лицу, задевая мою щеку своими жесткими губами, – сама просила... я пришел, поэтому новые игры со мной не встретят понимания, – проводит ими по моей скуле к уху, оставляя на моей коже след из колючих мурашек.

– Я не тебя ждала! – срываюсь я и почти кричу, выдыхая последний воздух их лёгких.

Нервы вот-вот сдадут...

– А пришел я.

Хочу оттолкнуть его. Изо всех сил упереться ладонями в его грудь и попробовать хотя бы сдвинуться в сторону..., но

нет, не ускользнешь. Чувствую, как его пальцы ползут по моей скуле уверенно, по-хозяйски..., как он грубо поднимает моё лицо за подбородок, еще теснее вжимаясь в мое тело, так, что не уклонишься...

И вот, исключительно в угоду его желанию, наши губы, спустя год встретились, схлестнулись в безжалостном поцелуе, в котором не могло идти речи о нежности. Так жёстко, на грани боли... словно целуешь противника, и враг тебе отвечает. Ни ласки, ни желания в этом агрессивном напоре. Злость, что копилась во мне все это время, встала между нами барьером, желчью растеклась во рту, где и так все разъедает от требовательного поцелуя. Сейчас мечтаю только о том, чтобы эта злость отравила его через кожу моих губ.

Да, меня угораздило в кратчайший срок влюбиться в Барса. Да, история с нами была похожа на сказку, но, как оказалось, далеко не у всех сказок бывает счастливый конец, и наша отличилась неожиданным поворотом сюжета. Да, я была виновата перед ним. И нет, не любого и не всегда надо прощать..., но он просто забыл меня, отбросил и стал жить дальше. Он не был виноват передо мной, но моя жизнь оказалась безжалостно смята им..., а я так же бессердечно вышвырнула его из своей памяти...

Только так ли это?

Оказалось, что моя кожа до сих пор помнит его дыхание... Вот только я так давно запретила себе любые чувства, что

сейчас, когда они пытались прорваться наружу, я с трудом узнавала их...

Все его тело теперь стало другим, жестким, как гранит: грубые руки, обхватившие моё лицо, были холодны, как лед, сильные пальцы, больно сжимающие мои скулы, были беспощадны, а их хватка была настолько сильна, что мне казалось, усили он нажим, и кости под ними затрещат, будто щепки в стальных тисках.

Он не целовал... На самом деле он наказывал меня, второй раз отказывая мне в прощении.

Я терпела каждое карательное движение его жестких губ, и во мне поднималась мощная волна протеста. Не могла ни сдвинуть, ни оттолкнуть, но попробовала укусить его, и укусила так, что, когда он инстинктивно дернулся назад, его плоть натянулась между нами. Горячая кровь от прокушенной губы хлынула мне в рот, и я сразу выпустила его, сплюнув ее ему в лицо.

Наше рваное дыхание смешивается. Грудь ударяется о грудь...

Запрокинув голову, закрываю глаза руками, а он со всей силой бьет о стену, чуть выше моей головы, и небольшое помещение тут же озаряется рассеянным светом от, как оказалось, единственного в этой комнате высокого торшера.

Мысленно считаю до трех, чтобы глаза привыкли к тусклому освещению и только потом отнимаю ладони от лица и, поднимая взгляд, смотрю на Барса. Он стоит так близко, что

кровь, сплюнутая мной, разбрызгалась по его лицу багровыми каплями. С моих губ, на выдохе, срывается его имя и, в следующее мгновение, он громко смеется и делает шаг назад, окончательно отпуская меня, вытирая аристократичными пальцами окровавленную губу, показательно засовывая их в рот и слизывая с них кровь.

– Зачем ты искала встречи со мной? – спросил он, не сдержав язвительную улыбку, обнажившую восхитительно белые зубы.

– Я пришла не к тебе... – ответила я, защищаясь. – У меня были свои причины появиться здесь!

– В моем клубе?! – он саркастически приподнял бровь, и в его испепеляющем взгляде изумрудно-зеленых глаз мелькнула унижительная насмешка.

– Я не могла этого знать! – попыталась оправдаться, но была нагло перебита.

– Так озвучь мне, для какой цели ты появилась здесь? – с каждым новым вопросом всё больше злился он. – Скажи это, и мы закончим быстро! Я правильно понимаю, что ты осознанно отправила приват-приглашение другому мужику в моем клубе? ... Дура! Правда считаешь, что меня теперь это может задеть? Я выйду сейчас и сам позову сюда с десятков желающих, готовых исполнить твои самые смелые прихоти и фантазии! Хотя, не знаю, наберется ли столько... – он унижительно оглядел меня с головы до ног и продолжил, – выглядишь ты паршиво! Не товарный вид.

Его слова, брошенные мне в лицо, жгли, ожоги их кололи мозг, хлестали по сердцу, возбуждая только боль...

Я, со злобой глядя ему в глаза, поправила сбившееся вверх платье, и демонстративно вытерла тыльной стороной ладони свои губы. С болью подавив в себе желание влепить ему пощечину, справившись с эмоциями, тихо ответила:

– Зови...

Громко рассмеявшись, он продолжал стоять напротив меня, теперь засунув руки в карманы своих узких, дизайнерских брюк, и откровенно тянуть время, испепеляя меня своими глазами, в которых плясали изумрудные искорки ярости. А потом ухмыльнулся, поддразнивая своими великолепными зубами и, обойдя меня, вышел за дверь, бросив мне единственное: «Хорошо».

Вздрогнула от щелчка, с которым она закрылась, и мой слух различил удаляющиеся шаги.

Я так и осталась стоять одна, с его «хорошо», которое, словно окончательный приговор, обрушилось на меня.

«Хорошо?!»

Столько всего наговорил мне, что в итоге я остаюсь на месте и не могу переступить через это «хорошо», чтобы открыть дверь и пойти за ним, остановить его, пока дело не зашло слишком далеко. Сейчас, при скудном освещении, оглядывая рассеянным взглядом помещение, замечая всю откровенную пошлость его интерьера, я вдруг отчетливо понимаю, что совсем не готова к тому, на что уже решилась ранее.

Представляя там, за дверью, вереницу из незнакомых мне мужчин, меня передернуло от отвращения..., и я срываюсь с места, выбегая из приватной комнаты.

Едва сдерживая прерывистое дыхание, быстро спускаюсь, но почти сразу останавливаюсь посередине лестницы, увидев внизу, на первых ступеньках, Барса. Он стоит необычайно спокойно, с неподвижной прямой спиной, замерев в позе внимательного ожидания, и только его рука сжимает перила, до белизны пальцев.

Я молчу, и он, словно соглашаясь с моим решением, делает резкий шаг вниз, в сторону ожидающего его администратора, а я признаю свою немоту в тихо озвученном, отрицательном:

– Нет...

Похоже, даже сквозь громкую музыку и гул голосов он прекрасно слышит меня, поэтому останавливается, медленно разворачивается ко мне и повторяет:

– Так озвучь мне, Кира, для какой цели ты появилась здесь?

– Мне очень нужны деньги... – неприглядный ответ только срывается с моих губ, но я уже готова к жестокому осуждению, что увижу в мужском брезгливом взгляде.

Он громко хмыкнул на мои слова, поднялся на несколько ступенек вперед, ко мне, останавливаясь чуть ниже и, глядя мне в глаза, неспешно достал из кармана своих брюк портмоне. Раскрыв его, отсчитал двадцатку, и, образцово распра-

вив купюры, протянул их мне.

– Не думал, что за промышленный шпионаж мало платят. Надо бы узнать у моей службы безопасности, сколько, в таких случаях, предлагаем мы.

– Мало, – едва шевеля бескровными губами ответила я, и, проглотив заслуженную обиду, забрала из его рук деньги.

Опустив голову и коротко махнув, словно со всем с ним соглашаясь, я сделала шаг в сторону, намереваясь обойти его, но он преградил мне дорогу.

– На что ты готова пойти?

– На всё, – не раздумывая, ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Он снова открыл свой портмоне и, выудив оттуда уже знакомый мне черный матовый прямоугольник визитки-флаера, протянул его мне, повторив мои же слова:

– Запомни, если ты войдешь в двери этого клуба еще раз, ты будешь готова на всё.

Глава 2

Это его недвусмысленное предупреждение, вскользь брошенное мне, звучало у меня в ушах всю дорогу до дома, но тревога, а еще эмоции, ощущения и вспышки-воспоминания сразу оставили меня, как только я переступила порог своей комнаты. Теперь, глядя на уставшую Лиду, задремавшую в ожидании меня у детской кровати, я была даже довольна, что вся эта чертовщина с поисками состоятельного любовника осталась позади, а деньги грели карман...

Двадцать тысяч рублей! Это много или мало?

Очень много, когда в холодильнике у тебя уже несколько дней совсем пусто. Очень много, когда полки единственного в комнате скромного кухонного шкафа-пенала сияют чистотой, а не банками с зимними заготовками. Очень много, когда до ежемесячной выплаты детского пособия осталась всего неделя... Но, в то же время очень мало, когда долг за жилищно-коммунальные услуги достиг своего критического порога и не сегодня, так завтра мне просто отключат свет. Очень мало, когда молоко в соседнем частном магазинчике уже не дают в долг, ежедневные письма с банковскими задолженностями уже не помещаются в стареньком почтовом ящике, а кредиторы, которые обивают порог моей комнаты, требуют немедленного погашения всей суммы долга, и жалкая сумма в двадцать тысяч их совершенно не устраивает.

Так много это или мало?

Сняла и аккуратно повесила чужое пальто на вешалку у двери, тут же разувшись, поставила туфли в угол крошечной прихожей и босиком, на цыпочках, пошла по комнате, чтобы не потревожить шумом чутко спящих. Дойдя до детской кроватки, задержав дыхание, вытянула шею и, заглянув поверх Лидино плеча, тихо вздохнула, а на моих губах показалась привычная полуулыбка, когда увидела, что на меня смотрят изумрудно-зеленые глазки моего сынишки...

– Митенька... – прошептала я одними губами...

Словно услышав своё имя, малыш в кроватке заворочался и тихо всхлипнул. Я замерла, выждала несколько секунд, но в конце концов ребёнок снова уснул, засунув крохотные пальчики в рот.

– Ну как? – сонным голосом тут же поинтересовалась подруга и, подняв голову с затекшей руки, выпрямилась. – Получилось?

Широко улыбнувшись ей, я достала купюры и тихонечко пошелестела ими, поигрывая пальцами. Мне хотелось запрыгать и бешено обнять Лиду. Все рассказать ей прямо сейчас, но я с трудом сдержала минутный порыв, понимая, что глубокая ночь совсем не время для откровений, тем более, с такой высокой слышимостью в квартире, как у нас. Я и так устала бороться с соседями, абсолютно непримиримыми к детскому плачу.

Зная неумённое любопытство своей подруги, оценила то,

что ей пришлось собрать все свое самообладание, чтобы сдержать его. Именно поэтому, уже у выхода, быстро чмокнула ее в щеку, вместе с благодарным поцелуем, давая ей невысказанное обещание раскрыть все мельчайшие подробности завтра...

Едва она вышла, я без сил сползла по стенке детской кроватки на пол и начала беззвучно рыдать, съежившись, размазывая по щекам слезы. Мыслей в голове не было, абсолютная пустота. Наверное, я даже ничего не чувствовала... хотя, нет... чувствовала: мне было грустно оттого, что спустя год с нами стало...

Мои губы распухли и ныли, истерзанные подневольными поцелуями...

«Выглядишь ты паршиво! Не товарный вид...» – обидные слова не так ранят, как, озвученная вслух правда...

А еще мне было невыносимо стыдно, что я взяла его деньги.

Раньше я не понимала, как можно умереть от «разбитого сердца», а теперь точно знаю, что запросто: сильное эмоциональное перенапряжение вызывает нервное истощение, после которого случается депрессия. В моем случае, затянувшаяся послеродовая. И вот я уже не могу ни есть, ни спать, ни говорить, ни даже толком дышать. К сожалению, трудно самой понять, где находится тот самый предел, безошибочно определить, что твоя жизнь находится в миллиметре от точки невозврата.

Казалось бы, еще вчера мне удавалось нормально существовать, а сейчас я понимаю, что мой организм окончательно истощил все ресурсы, боль стала по-настоящему невыносимой, от нее невозможно отключиться или отвлечься. Болело не само сердце, нет, вовсе не орган, а то место, за которое люди хватаются, когда не могут справиться с наплывом совершенно неуправляемых, вышедших из-под контроля эмоций...

Сильнейшая немая истерика сотрясала меня всего несколько минут, но, в какой-то момент, я услышала, как Митенька зашевелился, и, быстро утерев мокрые щеки и нос ладошкой, тут же вскочила на ноги... словно всех этих слез и вовсе не было...

Понимая, что так он уже не уснет, заботливо подняла малыша на руки и села с ним на диван, бережно, как сокровище, прижимая ребенка к себе, устало закрыла глаза и откинула голову на неудобный подголовник..., а, накормленный Лидой Митенька, покряхтев, снова провалился в чуткий сон.

Я была благодарна минутам тишины. Сейчас, все вокруг меня: родители, Лида, соседи – если можно так сказать, жили вслух. А мне просто хотелось помолчать...

А уже с утра следующего рабочего дня я сидела на очередном кратком собеседовании перед заурядным руководителем отдела кадров на вполне удобном кресле, сложив перед собой руки, и следила за тем, как он, пытаясь ободряю-

ще улыбаться мне, детально рассматривает мои документы. Пролистав паспорт еще несколько раз, он исключительно холодно, но профессионально-вежливо поинтересовался:

– А как вы собираетесь работать с грудным ребенком на руках?

– Я ищу работу со свободным, плавающим графиком, но готова четко придерживаться цели, поставленной ведущим архитектором, а также сроков сдачи готового проекта.

– Ну... не знаю, – недоверчиво хмыкнув, мужчина демонстративно неуверенно пожал плечами, давая понять, что на самом деле еще ничего по этому поводу не решил, но снова взял в руки и бегло пролистал внушительный альбом-портфолио с моими работами. – Готовы пойти на неоплачиваемый испытательный срок?

Я очень тихо, разочарованно вздохнула, потому что уже знала, что за этим последует – я отработаю две полных недели, за это время успею набросать неплохие эскизы и суть нового объекта, предоставив этой проектной мастерской на него авторские права, а меня просто не рассчитают, юридически сухо мотивировав очередной отказ в приеме на работу...

Наверное, впервые за год, я молчаливо-отрицательно мотнула головой, и попыталась встать, но мое движение было остановлено жестом сидящего напротив мужчины, не спускающего с меня немигающего взгляда.

– Подождите, – сухо бросил он, быстро встал и, отскани-

ровав страницы моего паспорта, уселся назад, бегло зашелкавав клавишами компьютера, – если вашу кандидатуру одобрит служба безопасности, то я возьму на себя смелость, без согласования с начальством, предложить вам должность.

Ох, на этот случай у меня тоже уже был неприятный опыт! Я знала, меня не возьмут!

Сейчас совершенно не важно, которая из двух корпоративных строительных гигантов год назад занесла мою анкету в общую базу неблагонадежных работников, тем самым перечеркнув всю мою будущую жизнь и возможную карьеру.

Я смирилась с этим.

Видимо отправив файл с моими документами по корпоративной почте, бесцветный, черно-белый из-за строгого офисного дресс-кода, мужчина, сложив пальцы домиком на столе, откинулся на спинку своего кресла и пристально следил за выражением моего лица. А я, глядя на него в ответ, в робком ожидании замерла, почти не дыша, хотя отлично понимала, что все это в конечном итоге бесполезно, но уговаривала себя дождаться результатов собеседования, запрещая себе вертеться как на иголках.

Время тянется невыносимо медленно. Я прислушиваюсь к канцелярскому шуму за стенами кабинета, улавливая обрывки фраз, кашель, механическое кряхтение работающего принтера..., и каждую минуту смотрю на часы, постепенно убеждаясь – время пошло вспять.

Неожиданный звуковой сигнал оповещает о пришедшем

сообщении, и мы с офисным клерком, словно сговорившись, смотрим друг на друга... Лишь несколько долгих секунд, а потом он отводит свой взгляд, глядит в монитор, почти сразу отрицательно качая головой и, подчеркнуто не глядя в мою сторону, протягивает мне мои документы.

Вот так всегда!

С каждым таким собеседованием я больше не надеюсь на чью-либо помощь или на чьё-либо одобрение, но все еще стремлюсь найти работодателя, который предоставит мне место, руководствуясь исключительными образцами моих завершённых архитектурных проектов, и закроет глаза на единственный, но такой любимый мной «недостаток» – грудного младенца...

К обеду денег уже не осталось, зато я с трудом несла домой увесистые сумки с продуктами и детским питанием.

Подходя к подъезду, по дороге пробовала нашарить ключи в кармане куртки, но не смогла, поэтому попыталась поставить тяжелые пакеты на землю, но их тут же перехватили из моих рук. Резко обернувшись к незаметно подошедшему ко мне сзади, я не смогла сдержать непроизвольно-вырвавшийся стон нескрываемого раздражения, но мужчина, казалось, этого даже не заметил.

Впрочем, ничего удивительного, ведь это был мой бывший муж – Игорь. Он и в браке не всегда обращал внимание на, как он считал, излишки моих эмоций!

– Что ты здесь снова делаешь?! – устало вырвалось у меня, и я тут же умолкла, ожидая привычного настырного замечания: «Я пришел к сыну!»

– Я хочу помочь!

Это что-то новенькое...

Попробовала потянуть на себя пакеты, но мужчина держал их крепко, чем еще сильнее нервировал меня.

– Ребенок не твой! – говоря это, наверное, в тысячный раз, я не переставала вырывать сумки из рук Игоря. – Не твой он, когда ты это поймешь?! Сколько мне еще нужно повторить это, чтобы ты перестал таскаться сюда?

Видимо, мои слова хлестко подстегнули мужское самолюбие..., и он резко отпустил ручки пакетов, а я полетела с ними на землю...

С трудом смогла сделать вдох, потому, что воздух из легких хорошенько вышибло от довольно ощутимого удара при падении. Подняла ободранные о наледь руки, осмотрела повреждения и, тыльной стороной ладони отвела волосы со своего лица, а потом, унижительно перевернулась на четвереньки у его ног, и, вместе со снегом, сгребла в порванную сумку рассыпавшиеся по земле продукты.

– Не ходи сюда больше, Игорь! – пробормотала я, тяжело поднимаясь на ноги и выпрямляясь перед ним. – Пожалуйста, не ходи! Оттого, что ты приходишь, твоим он не станет!

– Это мы еще посмотрим...

Зло бросил мне в ответ мужчина, резко развернулся и ши-

роко зашагал в сторону припаркованной им возле соседнего подъезда машины.

Прошедший год научил меня терпению, и теперь, я не только могла, но и умела терпеть. Это я ухитрялась делать безгранично и могла вытерпеть, казалось бы, все: унижительное безденежье, голод, каждодневные поиски постоянной работы и бессонные ночи, пренебрежительное отношение моих новых соседей; я могла вытерпеть практически все, но только не очередной тягостный и, как оказалось, обязательный, разговор с мамой... Только он мог надолго вывести меня из душевного равновесия и, словно невидимой рукой, завести механизм, запускающий очередной приступ панической атаки.

Вот и сейчас, закрыв за мамой дверь, я прижалась к ней, подпирая спиной, словно боясь ее возвращения. Вдох-выдох. Собственное рваное дыхание, казалось, разносится на многие кварталы вокруг. Вдох-выдох. Попыталась успокоиться, но чувство тревоги не ушло, а только многократно усилилось. Вдох. А вот с очередным выдохом я вся превратилась в одну сплошную судорогу, и задрожала так громко, от чего сама испугалась, что проснется Митя.

«Еще не поздно остановиться и все вернуть, – неустанно повторяла мама. – Остановиться и вернуться к Игорю, забыв все, что случилось, как кошмарный сон...»

«Он признает отцовство, закроет глаза хотя бы на поло-

вину твоих неосмотрительных проступков, и поможет нам всем вылезти из долговой ямы... — никак не унималась она. — Пойми же ты, наконец, ребенок должен расти в семье!»

«Тебе же его даже кормить нечем!»

«Я тебя ни в чём не упрекаю! Я лишь навожу тебя на мысль, что стоит задуматься о том, что будет завтра. Мы с папой можем на время забрать внука, чтобы ты могла хорошенько подумать о том, хочешь ли ты так жить дальше! — говоря это, она сразу же вытянула руку ладонью вперед, красноречивым повелительным жестом запрещаая мне отвечать. — Забрать потому, что видим — твое необдуманное упрямство ведет к угрозе его жизни и здоровью...»

Забрать...

От одной мысли об этом меня колотило! Будто всего того, что уже произошло со мной было мало!

Из-за свежестиранных и развешанных на натянутых веревках детских ползунков и пеленок в небольшой комнате не продохнуть. От парной духоты и липкой сырости со всех сторон шею так стянуло, что становится невозможно дышать. В два шага преодолеваю расстояние до единственного окна, хочу открыть его, и, широко распахнув створки, впустить в задраенное наглухо помещение холодный осенний воздух, но вовремя останавливаюсь, понимая, что удушливая влажность в комнате мнимая, а все, что мне нужно — это справиться со своими эмоциями...

Материальная зависимость от родителей диктует свои

правила, и осознание этого ставит меня перед необходимостью строго отбора приоритетов.

Подойдя к кухонному шкафу-пеналу, открыла верхнюю створку и достала банку для круп, в которой держала личность. Вернувшись к окну, вытряхнула ее содержимое на щербатый подоконник и, ловко поймав несколько монет, покотившихся в разные стороны, подсчитала свои убытки после оплаты обязательных коммунальных платежей и единственного похода в продуктовый магазин. А еще, вместе с деньгами, оттуда выпал флаер клуба «Странгер» с пометкой одноразового количества посещений...

Аккуратно сложив остатки денег назад в банку, я нерешительно, несколько раз обвела вокруг матовой поверхности черной визитки кончиками пальцев, словно боялась прикоснуться вовсе не к прямоугольному куску картона, а к чему-то омерзительно-грязному... и, с каждым таким витком, предупреждение, брошенное мне в лицо Барсом, тут же всплывает в памяти:

«Запомни, если ты войдешь в двери этого клуба еще раз, ты будешь готова на всё...»

Именно в этот момент я осознала, какой серьезный оборот приобретает для меня все происходящее. Я буквально чувствовала, как по коже набухающей тяжестью неуверенности и сомнения ползут мурашки холода, но внезапно вздрогнув, словно стряхнув их со своей кожи, я приняла окончательное решение и запретила себе сомневаться.

У меня просто не было выхода...

К чему оттягивать?!

Я уже давно морально готова к любому исходу, будь то новый любовник, или даже вереница их, со всевозможными, пусть особенными, унижительными предпочтениями, которые я готова терпеть за деньги. Барс четко дал понять, что я его больше не интересую – только это и стало для меня решающим фактором. Все это время я пыталась убедить себя, что больше ничего не чувствую, но, словно противореча себе, готова претерпеть любые, чужие, но только не его прикосновения.

Кто угодно, только не он!

Тут же созвонившись с Лидой, попросила ее снова подстраховать сегодня, посидев у меня с Митенькой, и, получив ее утвердительный ответ, заглянув в детскую кроватку, на несколько долгих минут потеряла счет времени, любуясь своим спящим сокровищем...

А потом быстро нырнула в шкаф, прикидывая в уме, остатки былой роскоши, сопоставляя их с тем, что имею.

Выудив оттуда пару подходящих к исключительному случаю платьев, вывесив их на открытую дверцу, отошла на шаг, чтобы придирчиво осмотреть себя в старое зеркало на стене: щеки провалились, резко обозначив линию скул, глаза, даже прежде казавшиеся слишком большими на худеньком лице, теперь смотрели отрешенно, с глухим безразличием; излишне тонкие щиколотки и выступающие ключицы, которые

раньше подчеркивали трепетность и беззащитность фигуры, сейчас, вызывали только мысли только о том, что человек, их имеющий, нуждается в заботе и поддержке. Понимая, что быстро исправить уже ничего нельзя, мысленно чертыхнувшись, выбрала из двух платьев то, что скрывало явные недостатки моей фигуры и заняла очередь в общий душ.

А уже через несколько часов я, решительной рукой, снова потянула на себя тяжелые двери клуба «Странгер»...

Глава 3

Сегодня вечером я смотрела на все, происходящее здесь, совершенно другими глазами.

Приватная обстановка больше не казалась мне такой же сказочной, как раньше. Красивые, ухоженные женщины и девушки вокруг не были настолько же недосыгаемыми, а загадочные влиятельные мужчины совершенно утратили для меня свою былую внешнюю привлекательность...

Я заметила отталкивающую реальность окружающей действительности только тогда, когда пришла сюда исключительно ради коммерческого интереса. Перебрасывая взгляд с одной женской безупречной фигуры на другую, теперь вижу, как каждая из них искусно принимает выгодную позу, помнит свой наилучший ракурс, неоднократно отрепетированный перед зеркалом, обладает умением блестяще преподнести себя... и знает, как подороже себя продать.

И сегодня вечером я – одна из них.

Я пришла сюда за тем же, только, в отличие от своих соперниц, я не имею навык выгодно торговать своим телом. Проституция, конечно, безобразное социальное явление, но вполне оправданное, если живешь впроголодь, вот только их холёные лица, изящные руки с идеальным маникюром, дорогие одежды – все кричит о том, что эти девушки, в большинстве своем, просто хотят красиво жить, расплачиваясь

за это писечкой.

Нервно вздохнула, когда кто-то поставил рядом со мной приземистый коньячный бокал с янтарным напитком. Повернулась к подошедшему, и попыталась растянуть подрагивающие от волнения губы, как мне казалось, в обольстительной улыбке, но скулы парализовало намертво.

– Девушка, вы сегодня свободны?

Простой вопрос прозвучал настолько прямолинейно, что кровь бросилась к моим щекам, и те предательски заалели. Я быстро посмотрела на остановившегося рядом мужчину, чей насмешливый взгляд не могла скрыть даже полумаска. В отличие от многих в зале, он был без пиджака, а черная рубашка, с расстегнутыми верхними пуговицами, не скрывала, а лишь подчеркивала его рельефные мышцы. В ожидании моего ответа, мужчина сунул руку в карман своих узких дизайнерских брюк того же цвета, что сразу придало ему слегка небрежный вид, но, вот чёрт, это привлекало к нему еще больше внимания.

Я смогла заставить себя только согласно кивнуть.

Видимо, этого ему было вполне достаточно. Он сделал знак бармену и, когда тот принял заказ, незнакомец стал откровенно, без стеснения разглядывать меня, лишь несколько долгих минут, пока не принесли напиток, а потом... наклонился, потянувшись за ним, ко мне, так близко, что я смогла ощутить запах его кожи...

Нотки свежего грейпфрута, апельсина, черного или розо-

вого перца – аромат дорогого мужского парфюма тут же врезался в память.

Почти сразу отпрянув, обхватив двумя длинными, аристократичными пальцами за короткую ножку, медленно пододвинул ко мне бокал с таким же, как у него, содержимым. Переключив внимание на свой, поднял его и, сделал небольшой глоток, с видом знатока прикрыл глаза, смакуя маслянистый спиртной напиток... потом глотнул еще раз, и, задумчиво поворачивая в руке бокал, любуясь насыщенным цветом коньяка, произнес:

– Поднимемся наверх?

Вместо утвердительного ответа, я крепко зажмуриваюсь, и впиваюсь пальцами в край барной стойки, приказывая себе отозваться...

Открываю рот – издаю тихий невнятный гортанный звук – закрываю рот – вдыхаю... и на одном выдохе, от чистого сердца, выплевываю ему в лицо признание:

– Я пришла сюда ради денег.

Вот и все! Ставки сделаны!

Он медленно кивает, то ли соглашаясь, то ли просто откланиваясь, делает еще один короткий знак бармену, разворачивается и быстро уходит прочь, а я, пытаюсь проглотить неприятный осадок приватной немногословной беседы, хватаю его недопитый бокал и, одним большим глотком, осушаю его до дна...

Крепкий алкоголь имеет свойство обжигать горло, но сей-

час, все внутри горит от позора, ест, грызёт меня, а подсознание даже не смеётся надо мной, а громко, надрывно хочется. Я закрываю лицо руками и слышу собственный протяжный стон...

К чему врать самой себе?! Мне так стыдно!

Я так устала быть одной, мне так хочется, чтобы сейчас меня остановил любой достойный мужчина, взял за руку и вывел прочь, за собой, из этого, переполненного алчными людьми, зала...

Даже вздрогнула от неожиданности, когда моего плеча коснулась рука безликого администратора:

– Вас пригласили в приват.

– В третий?

– Нет, – тут же ответил, и будто бы даже удивился моему вопросу он, – шестой. Вы принимаете приглашение?

– Да.

Похлопав себя по щекам, встала, и, быстро поднявшись по знакомой мне лестнице, миновав уже известную мне дверь, проследовала дальше до указанного номера...

Остановилась. Пульс зашкаливал.

Поправив на лице маску, решительно вошла, боясь впустить в таинственную темноту комнаты свет из коридора, тем самым грубо нарушив ее интимную атмосферу.

Встав, прислонившись к двери, пыталась выровнять дыхание, так выдающее мое волнение.

Не услышала его – ощутила... тот самый, незабываемый

аромат дорого мужского парфюма с явно доминирующими, очень привлекательными нотками грейпфрута, апельсина, черного или розового перца был очень узнаваем. Он и сейчас, окутал меня, стоило незнакомцу подойти ко мне ближе.

Он не касался меня. Совсем. Просто стоял рядом...

А потом я почувствовала, как волосы у моего виска слегка колыхнулись, поддавшись его дыханию...

«Ты глупо надеешься, будто Барс поверит в твою любовь?!»

Да, такая мысль и правда мелькала в моей голове весь сегодняшний вечер, и, в глубине моей израненной души, я рассчитывала, что все закончится не так... Теперь, когда я чувствую пульсацию кожи, стоящего рядом со мной, чужого мужчины, я больше ничего не жду...

На этот раз отступать – слишком поздно. Я сама все разрушила и терять мне больше нечего.

«У нас был шанс!» – Хочется кричать до хрипоты!

У нас с ним никогда не было ни единого шанса...

Незнакомец перехватывает мои запястья, стискивает, заводит за спину и завязывает их первым, что попадётся под руку.

Чувствовать нельзя. Боли нет. Ничего нет.

Он больше не касается меня, а по мне уже бежит нервическая дрожь...

Сердце бьется так быстро и громко, что я едва слышу шелест одежды. Непроизвольные слезы стекают по щекам, но я не издаю ни звука. Сжимаю кулаки, и короткие ногти впиваются в ладони... Раз за разом дергаю связанными руками, но плотная ткань лишь сильнее впицается в мои запястья, с каждой новой попыткой освободиться.

Я знаю, все, что произойдет дальше, мне не понравится.

Словно физически почувствовав мое острое неприятие, мужчина резко выдохнул и невнятно выругался. Снова подошел ко мне так близко, что я смогла почувствовать тепло его дыхания, но оно не осталось в памяти потому, что густой аромат от его парфюма продолжал стоять в воздухе между нами. Попыталась отвернуться, но он твердо надавил на мою левую ключицу, так, что я, неустояв на ногах, неуклюже опустилась перед ним на колени.

Судя по звуку вжикнувшей молнии, он расстегнул ширинку на своих брюках.

Его пальцы медленно скользнули по моей шее и почти вплелись в волосы на затылке, прижимая мою голову к паху...

Ничего не видя, я чувствовала запах. Особенный запах, исходящий от его члена... и лишь на доли секунды в моем сознании мелькнуло мгновенное узнавание. Мелькнуло и тут же погасло...

Не он.

От неожиданности я слегка дёрнулась в сторону, а его

рука грубее стиснула мои волосы, наматывая их на кулак, жестко фиксируя на месте мою голову, заставляя меня прикоснуться к его коже губами. Хочу оттолкнуть его, впиться пальцами в мужские бедра, но в безрезультатной попытке освободиться, широкий шнур только ту же стягивает мои запястья, и вот ладони уже теряют чувствительность.

Он возбужден.

Из-за меня?

Не испытывая ни отвращения, ни желания, я прошла губами по чувствительному месту на его эрегированном члене и почти сразу услышала, как незнакомец шумно втянул воздух, а меня всю будто бы прошило концентрированным ударом тока...

Обхватив за скулы, не давая дернуться в сторону, его пальцы направляли меня, чуть надавливая, до тех пор, пока я не приняла его в рот. Он вошел так глубоко, что, казалось, застрял у меня в горле. Я чуть было не поперхнулась, и, выдохнув лишний воздух через ноздри, с трудом сдержала рвотный рефлекс. Но мужчина и не думал останавливаться...

Вышел и вошел снова. Голова закружилась. Никакой передышки. Теперь от жестких частых толчков я могла только хрипеть.

Незнакомец совершенно не церемонился со мной. За свои деньги он готов был рвать на части, наказывая меня.

Двигается так быстро, что у меня перехватывает дыхание.

Удерживая за волосы, давит на затылок, чтоб приняла его еще глубже, и я четко ощущаю, где заканчиваюсь, где его плоть бьется прямо мне в горло, словно пытаюсь заткнуть меня, чтобы и не дышала вовсе...

Запрещаю себе чувствовать..., вот только соски трутся о ткань моего платья, задевая его брюки, вызывая постыдную дрожь во всем теле...

Я уловила тот самый момент, когда его дыхание стало более глухим, частым от удовольствия, которое он испытывал, унижая меня, почувствовала, как толкнулся к самому горлу, надавливая мне на затылок и эротично застонал...

И меня вместе с ним трясет, как в агонии, как в лихорадке. Только я, в отличие от него, захлебываюсь не от сумасшедшего возбуждения, предшествующего оргазму, а обливаясь слезами..., но и сейчас лучше задохнусь совсем, чем попрошу его о пощаде.

С каждым моим громким всхлипом – он громко рычит, все больше ускоряясь.

Толчок. Толчок. Толчок.

Словно мои глухие рыдания только подстегивают его...

Беспрерывно, с каждым жестким ударом члена, вдальблевается мне в горло, пока я не слышу его дикий рев, и на корень языка не разливается семя, изнутри раздражая мои щеки бешеной пульсацией каменной плоти...

От звука яркого мужского оргазма становится тошно, но уши зажать нельзя, потому что руки туго стянуты за спиной.

Резко вышел из меня, медленно провел большим пальцем по моим опухшим приоткрытым губам, склонился ближе, обдавая своим частым дыханием, одним движением ослабил тканевый узел на моих запястьях, а потом резко откинул в сторону, как использованную и больше ненужную ему вещь.

Я упала, вернее неуклюже завалилась на бок, с трудом удержавшись от постыдного желания прочувствовать вкус его спермы, сплюнула ее рядом с собой, на пол.

Слышала, как он застегнул ширинку и, громко зашелестев купюрами, отсчитал деньги и небрежно кинул их в мою сторону.

Ощутила, как они, словно сухие листья, красиво планируя в воздухе, разлетелись в разные стороны, разрезая мое сердце острыми как бритва бумажными краями. А я, все это время, пока он неспешно отсчитывал мой заработок, зажав рот кулаком, тихо глотала льющиеся по щекам слезы.

Хотелось завывать в голос от обиды и унижения!

Терла ладонью опухшие губы, пытаюсь соскрести с них его вкус, его запах, который вьелся в каждую пору на моей коже... я знаю, что теперь на дух не переносу аромат дорого мужского парфюма с явно доминирующими, но больше не привлекательными нотками грейпфрута, апельсина, черного или розового перца...

Не сказав ни слова он вышел, а я не нашла в себе сил поднять глаза... так сидела, глядя в пол, лишь на доли секун-

ды зажмурившись от упавшего на меня тусклого луча света, блеснувшего из коридора, когда мужчина открыл и сразу закрыл за собой дверь, снова оставив меня в полной темноте.

Шаря руками по полу вокруг себя, я трясущимися руками сгребла купюры и, смяв их, поднесла к раскрытому рту, словно пыталась заткнуть его этими деньгами, сдерживая сдавленные рыдания, которые рвотными спазмами рвутся наружу. Мне бы просто проглотить их, а вместе с ними растоптанное достоинство, но горло забито запахом новеньких хрустящих бумажек! Пальцы, сжатые в кулаки, онемели от натуги, но я, упрямо не меняя позы, продолжаю травить или наказывать себя за все произошедшее в этой комнате.

Лишь тактичный, поторапливающий меня стук в дверь снаружи быстро приводит в чувство.

– Уже выхожу! – крикнула я, сразу встала и, протянув руку, наощупь найдя выключатель, зажгла свет. – Дайте мне еще пять минут!

После темноты я не сразу сфокусировала зрение, но сориентировалась и нашла вход в небольшую, примыкающую ванную комнату. Подойдя к зеркалу, оценила свое отражение, всматриваясь в заплаканные глаза с потекшей тушью, и вдруг поняла, что только сейчас смогла разжать кулаки. Отложила смятые мной деньги в сторону и сдернула с лица полумаску, отбросив ее рядом. Включила воду и несколько раз сполоснула мокрое от слез лицо, но стало только хуже, поэтому пришлось умываться с мылом. Встряхнула волосами

и попыталась улыбнуться себе, придирчиво оценивая свой внешний вид. Находя его вполне удовлетворительным, вернула на лицо изящную чёрную маску...

Глядя на себя, я лишь на секунду замешкалась, рассматривая свои опухшие губы, намекавшие о вероятных поцелуях, но почти сразу, собрала деньги и вышла за дверь, готовая встретиться лицом к лицу со своими страхами.

Быстро спустившись вниз по широкой резной лестнице, я хотела было сразу уйти, но обернулась, и окинула взглядом переполненный зал клуба, будто что-то еще держало меня здесь.

Только это вряд ли...

Но вот танцующая толпа расходится, и я смотрю, как напротив, метрах в двадцати от меня, небрежно облокотившись о стойку бара, стоит Барс. Он, как обычно, в черной рубашке, галстуке в тон и элегантном костюме, подчеркивающим его сногшибательное тело, лишь волосы небрежно взлохмачены, все еще мокрые, видимо, после недавно принятого душа.

Он великолепно выглядит, кто бы сомневался...

Неожиданно он бросает, как мне кажется, слегка обеспокоенный взгляд на вход и замирает, увидев меня.

Мы так и стоим, рассматривая друг друга, но вот он делает мне призывный жест, как бы приглашая следовать за собой, разворачивается и грациозно движется через шикарную зону отдыха в уединенный VIP кабинет. Стараясь не показывать

свою неуверенность и волнение, расправив плечи, выпрямив спину я иду за ним благодаря лишь силе воли, приказывая своим дрожащим ногам дойти, стремлюсь сохранить баланс и удержаться на немыслимо высоких каблуках. Но подходя, еще секунду колеблюсь на пороге, украдкой поглядываю на Диму, который, уже не обращая на меня внимания, дает указания раболепно склонившемуся к нему официанту, и только когда тот волшебным образом исчезает, я делаю глубокий вдох, проскальзываю внутрь и осматриваюсь...

Я еще никогда здесь не была.

Комната маленькая, но интерьер в ней роскошный, словно пропитан старинным изысканным изяществом: центр занимает полностью сервированный столовым серебром столик, на котором стоит шикарный букет темно-бордовых роз; два стула на витых ножках с высокими спинками; но вот настоящее восхищение вызывала сверкающая, низко висящая хрустальная люстра, свет которой отражался от многочисленных натертых до зеркального блеска поверхностей призрачными золочеными арками, создавая необыкновенную атмосферу...

Услужливо отодвигать стул для меня не приходится, потому что я, со своей хрупкой фигуркой, легко втискиваюсь в небольшое расстояние между ним и столом, что, конечно, не могло быть не замечено внимательным Барсом, который тут же нахмурился и смерил стоящего рядом официанта угрюмым взглядом.

– Что будешь пить?

Перед ним уже стоит открытая бутылка белого вина, два высоких бокала, один из которых наполнен, поэтому я сразу отвечаю:

– То же, что и ты.

Он кивает, делает знак рукой обслуживающему персоналу, и вальяжно откидывается на спинку стула, внимательно рассматривая меня, не спеша говорить. Под его пристальным взглядом мне становится совсем неуютно, и я, как мне казалось незаметно, нервно ерзаю, стискивая ноги, не находя себе места. В отличии от Барса, сдвигаюсь на самый край, неестественно выпрямляя спину, и, чтобы хоть чем-нибудь занять дрожащие руки, беру протянутый мне услужливым официантом бокал вина, стекло которого сразу холодит пальцы.

– Ты получила то, за чем пришла сегодня? – нарушает молчание Дима и слегка склоняет голову набок, приподнимая бровь.

Открываю рот, но от ответа меня спасает деликатный стук...

Барс еще доли секунды пронзительно смотрит на меня, а потом, раздраженно хмыкнув, дает разрешение войти и терпеливо ждет, когда официант, убирая со стола лишние приборы, освободит место для высокого серебряного блюда с дюжиной французских устриц на льду.

– Надеюсь, ты любишь морепродукты? – его вопрос про-

звучал неприлично резко.

– Ни разу такие не пробовала.

Он тянется за устрицей, сбрызгивает ее лимонным соком и, возможно от кислоты, нежный, еще живой моллюск чуть сжимается, а Дима тут же отправляет его в рот.

– Вкус моря на языке... – он цинично ухмыляется и продолжает, – попробуй, это очень легко. Просто высасываешь содержимое раковины и глотаешь. Все просто. Думаю, у тебя это отлично получится.

Говоря это, Барс обворожительно улыбается, а я отлично понимаю, на что он недвусмысленно намекает, и вся сжимаюсь, словно та самая устрица, а внутри, по горлу скребет спазм отвращения...

Сменив положение тела, слегка наклонившись вперед, Барс, положив локти на стол, сцепляет пальцы у красивого рта, а в изумрудно-зеленых глазах плещутся непонятные мне эмоции.

– Так как? – тихо, но настойчиво повторяет он. – Ты получила то, за чем пришла сегодня?

Я слышу металлические нотки в его голосе. Он теряет терпение со мной, когда из игры в видимую любезность ничего не вышло.

– Да, – тут же отвечаю я, всё так же не сводя с него глаз, – получила, и готова прийти еще раз. Надеюсь, ты дашь мне такую возможность?

Сколько хохотнув, он нарушает повисшую паузу, снова

валяжно откидывается на спинку стула, меряя меня презрительным взглядом, и, пошарив во внутреннем кармане своего пиджака, достает новую черную визитку-приглашение, которую продолжает держать в своих пальцах, ожидая, что я подойду за ней сама.

Гордость я оставила за порогом этого клуба, поэтому встаю и делаю пару шагов вперед, подходя к нему на расстояние вытянутой руки. Стараясь не касаться его, перехватываю маленький прямоугольник матового картона, который он лишь мгновение продолжает удерживать, а потом снисходительно отпускает, позволяя мне его забрать.

Не удержавшись, я тихо сглотнула и украдкой втянула ноздрями воздух рядом с ним, словно запах этого мужчины мог подсказать мне правдивый ответ... ноздри сразу защекотал до боли знакомый, незабываемый аромат дорого мужского парфюма с манящими древесными нотками...

Глава 4

По возвращению домой мне хотелось не раздеваясь завалиться на скрипучий диванчик и прикрыть глаза, прокручивая в голове прошедшие события, еще больше вгоняя себя в уныние. Слишком много всего случилось за эти несколько дней...

Хотелось плакать, но даже это мне было недоступно... на пороге комнаты меня встретила Лида с орущим Митенькой на руках.

Запеленатый ребенок, кряхтел, весь извивался в ее объятиях и надрывался от крика, а крохотное личико было красным от натуги, и плакать он прекратил только тогда, когда я, мгновенно забыв обо всем на свете, прижала его к своей груди, затаив дыхание. Прошло? Нет, почти сразу все повторяется снова.

Младенческие колики – это настоящий кошмар!

Лида устало плюхнулась на диван, потерла глаза и помассировала виски...

– Садись, – протянула она, подняв на меня уставший, обеспокоенный взгляд, и похлопала рукой рядом с собой.

Митенька сильно кричит, беспокойно ворочается, и пытается выгнуть спинку, а у меня дрожат руки. Суки! Предательски дрожат от бессилия... Аккуратно опускаюсь на жёсткий диван рядом с подругой и, отклонившись назад на

неудобную спинку, кладу малыша к себе на живот, предварительно его распеленав и задрав свое платье вверх. Но, видимо, именно сегодня это нехитрое правило «контакт кожа к коже» дает сбой, и не помогает ему успокоиться. Вот именно сейчас я понимаю выражение «сердце обливается кровью», когда смотрю на то, как мучается мой малыш, с гримасой боли на лице сжимая крохотные кулачки, елозя по мне ножками.

Вдох-выдох.

Пытаясь снять его внутреннее напряжение, нежно провожу рукой по спинке, чувствуя горячую кожу кончиками своих подрагивающих от тревоги пальцев... понимаю, что мне необходимо успокоится, но не могу справиться с собой, особенно теперь, когда уставшие от детского плача соседи начинают стучать в стенку...

Оно и понятно! Время на часах – пол третьего ночи! Но им сейчас совершенно точно не до моего бессильного отчаяния, а мне – не до них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.